

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»

О.В. Пospelова

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
Интерпретации и споры

Монография

Архангельск

ИПЦ САФУ
2013

УДК 1:316+141.7+172.1
ББК 60.000.3
П627

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты: доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» **С.В. Лещёв**; доктор философских наук, профессор Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева **О.И. Ключко**

Поспелова, О.В.

П627 Современная политическая теория: интерпретации и споры: монография / О.В. Поспелова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 192 с.
ISBN 978-5-261-00774-6

В монографии рассматриваются вопросы современной политической теории. При обращении к эпистемологической проблематике анализируются трансформации, которые претерпело знание о политике со времен античной классики до наших дней, а также исследуются взаимоотношения между практической философией и наукой о политике в области современных политических теорий. При анализе политической онтологии автор обращается как к традиционным темам (природа политического факта, минимальные условия существования политического и анализ дефиниций терминов «политика» и «политическое»), так и к довольно новым для политической философии вопросам, например связи проблем политической онтологии с философией сознания. В работе рассматриваются вопросы взаимосвязи политики, этики и коммуникации, а также проблемы свободы и справедливости.

Для специалистов в сфере социальной и политической философии, политологов, социологов.

УДК 1:316+141.7+172.1
ББК 60.000.3

ISBN 978-5-261-00774-6

© Поспелова О.В., 2013
© Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение, или Зачем нужна политическая философия	4
1. От практической философии древности к позитивной науке о политике	11
2. Возвращение «практической философии»	21
3. Смысловые горизонты политических теорий	27
4. Специфика политических теорий	37
5. Понятие дискурса и анализ когнитивных аспектов коммуникации	41
6. Дискурсивный подход в политических теориях	50
7. Политическая онтология и философия сознания	57
8. Политика и политическое: интерпретации и споры	66
9. Природа политического факта	78
10. Политическое действие и проблема свободной воли	89
11. Политический смысл социальной топологии роль интеллектуалов в символическом производстве	102
12. Проблема репрезентации интересов угнетенных групп	116
13. Политика, этика и коммуникация	121
14. Дилеммы справедливости	134
15. Политика и управление	147
16. Капитализм, «производительное тело» и социогенез свободы	157
Заключение	181
Библиографический список	186

Введение, или Зачем нужна политическая философия

Многие отечественные авторы утверждают, что политическая наука в современной России до сих пор находится в стадии становления и имеет статус еще не оформившегося знания. Это объясняется комплексом причин, касающихся как исторических условий развития общественных наук в России и на постсоветском пространстве, так и более фундаментальных процессов, связанных с переосмыслением статуса общественных наук в мировом контексте. Так или иначе, ситуация «эпистемологического хаоса», характерная для современного этапа, приводит к актуализации философской составляющей научного дискурса, что обусловлено необходимостью осмысления наиболее общих принципов и фундаментальных оснований той или иной дисциплины, а также ее границ и категориального аппарата.

Отношение к философской составляющей в общественных науках со стороны самих представителей академического сообщества довольно неоднозначно. С одной стороны, социальное и гуманитарное знание в некоторых своих вопросах так близко подходит к философии, что установить ясно различаемую границу оказывается практически невозможно. Попытки нейтрализовать элементы философского знания приводят к вытеснению многих, весьма существенных для общественных наук, проблем. В любом случае, общественные и гуманитарные науки будут иметь точки пересечения с философией, поскольку предмет их исследования связан с работой человеческого сознания, интенциональными состояниями и пропозициональными установками. С другой стороны, философия зачастую вторгается в поле общественных (и, особенно, политических) наук как идеология, и ее метафизические (зачастую даже мистические) построения служат для легитимации определенных властных практик, политических стратегий или же льют воду на мельницу мифологического мышления. Хотя здесь следует признать, что работа по деконструкции политических мифов и анализу идеологий также протекает в русле философской рефлексии.

Современное знание о политике, как и любая другая система знания, включает в себя как позитивные (эмпирические), так и нормативные компоненты. Среди отечественных исследователей, работающих в поле политической мысли, лишь немногие уделяют внимание анализу соотношения этих компонентов в политических теориях и – шире – методологическим основаниям политической науки. К числу таких немногих принадлежит Т.А. Алексеева, предлагающая следующую классификацию теорий¹.

1. *Нормативные теории*, которые говорят о желательных условиях человеческого существования, а также выдвигают аргументы, почему они являются более предпочтительными. С ними тесно связаны еще два вида теорий, старающихся увязать ценности с фактами – предписывающие и оценочные.

2. *Предписывающие теории* носят инструментальный характер и заняты поиском наилучших средств для достижения условий, которые признаны желательными нормативной теорией.

3. *Оценочные теории* характеризуют данные условия, опираясь на ту или иную концепцию ценностей.

4. *Дескриптивно-эмпирические теории* предполагают описание и объяснение фактов. В узком смысле эмпирическая теория занимается установлением причинно-следственных связей, поиском того, какие факторы (независимые переменные) позволяют объяснить тот или иной феномен. В своей наиболее «чистой» форме – это каузальная (причинно-следственная) теория, которая способна выдержать эмпирическую фальсифицируемость.

5. *Предсказывающие теории*, также реализующиеся в рамках позитивного исследования, начинают с того, что определяют некоторые предпосылки, а затем с помощью дедукции формулируют выводы относительно возможного поведения исследуемых объектов.

Если прикладные политические науки, в том числе и сама политология, в основном опираются на позитивный подход и дают нам дескриптивно-эмпирические и предсказывающие теории, то политическая философия считается нормативной дисциплиной, предлагающей нам нормативное, предписывающее и оценочное знание.

Основная цель позитивной политической (а также социальной и экономической) теории состоит в том, чтобы установить законы, принципы и правила, руководствуясь которыми можно было бы с

---

¹См.: Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий. М., 2001. 260 с.

максимальной эффективностью решить ту или иную поставленную практическую задачу. Нормативные теории тоже используют результаты исследований, полученные в рамках позитивных теорий, но при этом они требуют их нормативной оценки. Нормативное исследование говорит нам о том, как *должны* обстоять дела, чтобы соответствовать идеалам справедливости и нормам морали. Таким образом, нормативный подход в политических науках, реализуемый в рамках политической философии, раскрывает перед нами деонтологическое измерение политики и оказывается неразрывно связанным с другой философской дисциплиной – этикой.

Итак, нормативная теория, исторически связанная с практической философией, постигает реальность в понятиях наилучшего, хорошего и плохого, должного и недолжного, подлинного и неподлинного, справедливого и несправедливого. С онтологической точки зрения, нормативным принято считать такой элемент, который обозначает и соотносится по своему содержанию с идеальным объектом. Гносеологический критерий в отношении нормативных элементов дает деление нормативного на знание необходимого (аподиктической очевидности) и знание должного.

Вопрос о нормативном дискурсе в политических науках представляет собой интерес, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, как только научное знание о политике стало оформляться в относительно автономную систему, оно оказалось во власти позитивистских требований. Во многом благодаря позитивистским установкам политические и социальные науки смогли преодолеть свою зависимость от философии и оформиться в самостоятельные разделы научного знания. Однако эти же установки привели к репрессии нормативного компонента, свойственного размышлениям о политике в рамках классической философии. Ориентировка на то, чтобы давать объективное и непредвзятое знание о «политических фактах» делала нормативный дискурс бессмысленным с точки зрения позитивной науки. Тем не менее, нормативный компонент не может быть окончательно устранен из политической теории с тем, чтобы она продолжала оставаться *политической*, и обусловлено это не только требованиями построения научного дискурса как такового, но спецификой самого рассматриваемого предмета – политики.

Во-вторых, современная ситуация в общественных науках вполне может быть охарактеризована как «экстраординарная» со свойственным этому состоянию эпистемологическим хаосом. Под «экстраординарной наукой» я предпочла бы понимать не

столько научную революцию в куновском смысле, сколько усиление всегда имеющей место конкуренции между различными парадигмами и, как следствие, спор вокруг дисциплинарных границ в области общественных наук и гуманитарного знания в целом. О неадекватности классического дисциплинарного деления наук об обществе писал Иммануил Валлерстайн, указывая на то, что политическое, экономическое и социальное может обладать общей логикой, каковая будет логикой конкретной миросистемы. Поскольку миросистема – динамический объект, ее невозможно изучать, находясь в рамках исключительно структуралистски ориентированных подходов и методов. Анализ социального и политического бытия немислим без учета исторического измерения, и это ставит под вопрос границу между историком, с одной стороны, и социологом и политологом – с другой. Осмысление этих дисциплинарных границ и способа их преодоления также представляет собой предмет философской рефлексии. Критическая теория, во многом благодаря которой произошло возвращение нормативного компонента в систему знаний о политике, заявляет трансдисциплинарность в качестве одного из своих методологических принципов.

Один из подходов к пониманию роли политической философии в структуре политических наук, учитывающий современные требования к научному дискурсу, предложил Б. Джессоп². На сегодняшний день считается общепринятым выделение четырех типов философских проблем: *онтологических, эпистемологических, методологических* и *этических*. Все они могут быть обнаружены и в политической философии. Онтология будет заниматься вопросами природы политического, способов существования политических объектов и феноменов, категориальной структурой политической реальности. Эпистемологический аспект политической философии предполагает постановку вопроса о характере и границах нашего знания о политике, а также о и условиях его получения и проверки. Политическая философия как методология будет иметь дело с общими правилами, регулирующими процесс получения и проверки (научного) знания о политике. По сравнению с эпистемологией, методология представляет собой более технический и практически ориентированный раздел философии, имеющий дело с логикой по-

---

²Jessop B. Political ontology, political theory, political philosophy and the ironic contingencies of political life // Der Menschsein Zoon Politikon: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 2005. P. 189–208.

лучения о обоснования знания, а также методами научного исследования. И, наконец, этика ставит перед нами вопросы о благом, правильном и должном. Здесь можно выделить два больших раздела: деонтологический и логический.

Опираясь на эту типологию, Джессоп выводит четыре теоретических подхода к изучению природы политики, политических субъектов и политических действий.

Во-первых, это собственно политическая наука. В число ее основных предметов исследования входят вопросы о формах политики, об условиях реализации этих форм, о методах исследования форм политики, о соотношении власти и знания, а также критический анализ идеологий.

Во-вторых, речь идет о мета-науке о политике, которая осуществляет общетеоретическую и методологическую рефлексию над природой научного знания о политике. Здесь поднимаются и решаются вопросы о том, что такое политическая наука и каковы условия ее существования, о том, какой тип знания поставляет эта наука, какие методы использует и как эти методы определяют тип получаемого знания, а также о том, каковы нормативные допущения и импликации политической науки.

В-третьих, от политической науки и мета-науки, Джессоп отделяет политическую философию. Она ставит перед собой вопросы, которые обобщенно можно назвать вопросами политической онтологии и эпистемологии. Сюда следует отнести вопросы о том, что есть политика и власть и каковы причины их существования, какие формы может принимать политическое знание и как возможно получение знания о политике в принципе, а также вопрос о наилучшей форме политической жизни и политического устройства общества.

И, наконец, в-четвертых, существует еще уровень мета-философской рефлексии над политикой, где поднимаются вопросы об онтологических, эпистемологических, методологических и деонтологических горизонтах политических теорий.

В своей работе мы в основном следуем предложенной Джессопом классификации, уделяя внимание философскому и мета-философскому уровню. В самом начале мы обращаемся к эпистемологической проблематике и вопросу о том, как возможно знание о политике. Небольшой исторический экскурс, открывающий работу, посвящен метаморфозам этого знания, анализу того, как разложение практической философии древности, построенной на

эссенциалистских предпосылках, привело к появлению позитивной науки о политике, и как произошло возвращение практической философии, базирующееся на принципиально новых основаниях. Любая политическая теория имеет не только свою философскую субструктуру, но и своего рода идейное гало, определяющее ее смысловые горизонты. При анализе этих горизонтов мы обращаемся к идеям Т. Пульккинен, В. Джессопа и Ж. Рансьера.

Принимая во внимание особый характер причинно-следственных связей, действующих в социальном мире, мы не можем не признать диалектической зависимости между политической теорией и политической практикой. Теории, продуцирующие «знание о политике», участвуют в формировании убеждений и, следовательно, влияют на поведение политических акторов. Разумеется, «знание о политике» ни в коем случае не является «действующей причиной» политических практик, поскольку подобное механистическое объяснение не только сводит на нет свободу воли, но и не учитывает специфической онтологии политического. Однако «знание о политике» выступает в качестве одного из условий, в которых разворачиваются политические процессы. Все это свидетельствует не только о необходимости анализа политических дискурсов, но и о прояснении методологических оснований такого анализа.

Касаясь тем политической онтологии, мы уделяем особое внимание выявлению минимальных условий существования политического и прояснению природы политического факта. Сама по себе постановка такого вопроса выглядит слишком метафизичной, однако обращение к аналитической философии позволяет воздерживаться от злоупотребления чересчур умозрительными построениями. Утверждая, вслед за Аренд, принципиально деятельный характер политической жизни, мы сталкиваемся с еще одной философской проблемой – обоснованием свободы воли. Данный вопрос рассматривается нам скорее с онтологической, нежели этической позиции, и выводит на ключевые темы современной философии сознания.

Еще один вопрос, который, на наш взгляд, очень тесно связан с политической онтологией, касается социальной топологии. Раскрывая, вслед за П. Бурдьё, ее политическое наполнение, мы выходим на еще одну значимую тему, одинаково актуальную и для политической теории, и для политической практики – проблему репрезентации и артикуляции групповых интересов. В качестве примеров позиций мы обращаемся к двум текстам, которые по праву

можно считать культовыми среди современных интеллектуалов – беседе М. Фуко и Ж. Делёза «Интеллектуалы и власть» и критической статье Гаятри Спивак «Могут ли угнетенные говорить?».

Анализ возможности репрезентации и артикуляции групповых интересов выводит на еще один круг вопросов, связанных с коммуникацией и нормативным дискурсом, в центре которого оказываются правила, идеалы и представления о справедливости. Рассмотрению этих тем посвящены последние разделы работы. В силу того, что политическая теория, так или иначе, связана с политическими практиками, фокус нашего внимания скользит между вопросами онтологического, деонтологического и онтического плана.